

Лирико-философская проза А.И.Солженицына 90-х годов.

В обширном литературном наследии А.И.Солженицына особое место занимают «стихотворения в прозе» (так определяет их жанровую природу Ж.Нива) [1, с.15], или «рассказы-миниатюры» (как считает В.А.Зайцев) [2, с.382], которые писатель назвал «крохотками». Тем самым автор акцентирует внимание на предельном лаконизме формы произведений в 1-2 странички. Предшественниками А.Солженицына в создании таких лирико-философских миниатюр в русской литературе были И.Тургенев, Л.Толстой, И.Бунин, М.Пришвин.

«Крохотки», которым писатель доверял самые сокровенные мысли, впервые появились в начале 60-х годов (18 рассказов) и распространялись в «самиздате», приобретя широкую известность и успех [1,с.16]. И это естественно, так как «...в «крохотках» проявился малоизвестный Солженицын, более эмоциональный, утонченный, психологически чуткий, увидевший в самом малом красоту мира и его новую чуждую человеку суть («Утенок», «Способ двигаться», «Город на Неве» и др.)» [2,с.382].

Спустя 30 лет, когда уже были созданы романы «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо», в 1996-99 годах А.Солженицын вновь обращается к этому жанру. «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там – не мог...» (из письма автора в «Новый мир») [3, с.366]. Внутренняя потребность выразить свои наблюдения, глубокие мысли и сильные чувства в малой прозаической форме появилась только в России. Именно «родная почва» становится для писателя источником творческого вдохновения. Первая их публикация была осуществлена в «Новом мире» в 1997 году № 1,3,10, в 1999 году № 7 (всего – 13 рассказов). Завершающая цикл «Молитва о России» впервые появилась в 2004 году.

Каждый рассказ является оригинальным и завершенным произведением. В то же время вместе они составляют цикл, который имеет, на наш взгляд, также свою структуру на содержательном и формальном уровнях и может рассматриваться как единое целое произведение с реализацией определенной авторской сверхзадачи. Попробуем выяснить, какую смысловую нагрузку имеет каждый из них и как связаны они между собой. Для этого следует рассмотреть рассказы в

их точной последовательности, а затем определить внутреннюю логику цикла, вытекающую из их тематического сходства, сближения.

В первом рассказе «Лиственница» сильное чувство – восторг: «Что за диковинное дерево!», - сменяется наблюдением: «Сколько видим ее - хвойная, хвойная, да. Того и разряду значит? А, нет. Пристывает осень, рядом уходят лиственные в опад, почти как гибнут... Тогда - осыпается и она» [3, с.347]. Это наблюдение, в свою очередь, сменяется размышлением о том, что ее древесина «наинадёжная в мире», «крепится все ближе к вечному камню» и - выводом: «Ведь и люди такие есть» [3,с.347]. Ключевые вопросы рассказа: почему это происходит, и эта жертвенность является свидетельством силы или слабости? В том, как сформулированы вопросы автора, кроется ответ на них. «По соболезности? Не покину вас!». «Сказать, что сердцем, сердцевиной мягка? Опять же нет...» [3,с.347]. Обращают на себя внимание слова: соболезность, сердце, сердцевина. По В.Далю: «Соболезновать (кому?) – сострадать, сочувствовать в горе, жалеть кого, сожалеть о ком, болеть сердцем, принимать участие в беде; «соболезнование» - «сочувствие, сострадание, сердечное соучастие» [4,с.253]. Здесь подчеркивается, во-первых принятие чужой боли или беды сердцем, во-вторых, способность помогать не пассивно, а активно. Это историческое значение слова в данном случае многое объясняет и подводит к выводу, что сердечность и доброта, проявившиеся в поступках – это свидетельство внутренней красоты и силы человека. Такое чудо, вызывающее авторское восхищение, встречается и в природе, и в мире людей.

В следующем рассказе «Молния» также есть открытие, основанное на наблюдении за природным явлением. Молния избирает среди высочайших сосен не самую высокую липу и проходит «через ее живое и в себе уверенное нутро» [3,348]. Далее нарисована страшная картина последствий – гибель дерева. Главный вопрос рассказа: «за что?». Писатель, как и в рассказе «Лиственница», использует приём параллелизма, он сравнивает молнию с ударом человеческой кары-совести: «Так и нас, иног: когда уже постигает удар кары-совести, то – через все нутро напрострел, и через всю жизнь вдоль. И кто еще остоится после того, а кто и нет» [3,с.348]. Таким образом, в этих двух рассказах внимание читателя направлено на внутренний мир человека (доброта, совесть), и автор-повествователь сразу раскрывается как очень тонкий знаток этого мира.

В миниатюрах «Колокол Углича» и «Колокольня» в цикл вводится новая тема: история и современность. Рассказчик (все произведения

написаны от первого лица) предстает как путешественник не только в пространстве, но и во времени, открывающий нам «дверцу в прошлое». Он с восторгом говорит о возможности ударить в колокол Углича, имеющего удивительную историю 300-летнего изгнания из родного города в Сибирь и помилования: «Я – бью, единожды. И какой же дивный гул возникает в храме, сколь многозначно это слитие глубоких тонов, из старины – к нам, неразумно поспешливым и замутненным душам» [3,с.349]. Раньше колокол «возвещал общий страх за Русь», «клич великой беды», предвещающий первую смуту. Сравнивая современное состояние с прошлым, писатель говорит о третьей смуте в стране. Мотив ответственности власти за происходящее звучит в конце рассказа, поскольку «провидческая тревога народная – лишь досадная помеха трону и непробивной боярщине, что четыреста лет назад, что теперь» [3,с.350].

Развивается этот мотив и в рассказе «Колокольный», где говорится о трагической судьбе древнего города, «невежественной волей самодурных властителей» утопленного на две трети в Волге. У «обманутых людей нет другого выбора, как жить. И жить – здесь», в «переломленном, недобитом городе», - с болью говорит автор [3,с.352]. Но символом надежды становится калязинская «высокостройная» белая колокольня, которая чудом уцелела и возвышается над водой в небо, «как наша молитва: нет, всю Русь до конца не попустит Господь утопить...», - так завершается рассказ [3,с.352]. Исходя из содержания этих произведений, мы видим, что соприкосновение автора-рассказчика с историей вызывает в его душе сильный эмоциональный отклик и дает почву для размышлений о катастрофических последствиях утраты веры в жизни современных людей. Но последний рассказ тем не менее не оставляет ощущения безысходности, так как не все потеряно: есть напоминания о великом прошлом России и есть молитвы лучших людей своего времени за нее.

Рассказ «Старение» открывает еще одну сквозную тему цикла – естественное течение жизни человека и особые моменты духовного прозрения в ней. «Старение – вовсе не наказание Божье, в нем своя благодать и свои теплые краски» [3,с.353], - утверждает автор. Весь рассказ – глубоко психологичное объяснение такого взгляда. Мудрость старости заключается в приятии тех радостей, которые приносит каждый день, обостренном восприятии окружающего мира: «И тонкий голосок синиц в еще оснеженном полувесеннем лесу – вдвойне милее оттого, что скоро ты их не услышишь, наслушивайся!» [3,с.354]. Молодые поколения лишены также неотъемлемого клада – воспоминаний, которыми живут старые люди. «Ясное старение – это путь не вниз, а вверх» - такой вывод

делает автор. Но концовка рассказа тревожная: «Только не пошли, Бог, старости в нищете и холоде. Как - и бросили мы стольких и стольких...» [3,с.354]. Возможно, эти горькие слова являются связующим мостиком к самому эмоциональному произведению цикла, где гражданская позиция А.Солженицына выражена открыто и недвусмысленно – к рассказу «Позор».

Думается, что рассказ «Позор» является кульминацией и по расположению в середине цикла, и по накалу страсти и искренности. Он выделяется на общем элегическом фоне своей публицистичностью, поскольку даже в названии есть оценка тому, что происходит в родной стране. Если в рассказах «Колокол Углича» и «Колокольня» писатель размышляет об утрате традиций, и нравственное оскудение людей он связывает с разрушением памяти в советское время, то здесь речь идет о 90-х годах. Тревогу и боль вызывает у писателя «разор и нищета» народной жизни: «В чьих Она (родина) равнодушных или скользких руках, безмыслию или корыстно правящих Её жизнь. В каких заносчивых, или коварных, или стёртых лицах видится Она миру. Какое тленное пойло вливают Ей вместо здоровой духовной пищи. До какого разора и нищеты доведена народная жизнь, не в силах взяться» [3,с.355]. Каждое слово, как крик души. Трепетное отношение к родине сочетается с мучительным, постоянным и гнетущим чувством позора. Оно сравнивается с «жёлто-розовым отравленным облаком газа», которое выедаёт лёгкие. Даже после смерти от него не уйти. Утешает лишь то, что народ не уничтожен, а в истории бывало, что целые народы гибли. Единственную надежду возлагает автор на провинцию, российскую глубинку, где есть еще «чистота помыслов, неубитый поиск», где живут «щедродушные, родные люди» [3,с.355], которые смогут прорвать черту обреченности и изменить ситуацию к лучшему.

В основе следующего рассказа «Лихое зелье» – пословица: «Лихое зелье нескоро в землю уйдет» и в связи с этим – ключевой вопрос: «Отчего у добрых растений всегда сил меньше, чем у сорняков?» Как и в рассказах «Лиственница» и «Молния» автор проводит параллель между законами природы и человеческим обществом. Вглядываясь в историю и современность, он приходит к грустному выводу, что изменить этот «всемирный закон» невозможно, когда часто торжествуют в мире не силы добра, а зло. Но в конце рассказа есть очень важные слова: «И отпущено каждому живущему только: свой труд – и своя душа» [3,с.357]. Они наталкивают нас на размышление о том, что у каждого отдельного

человека всегда есть выбор: жить честно в согласии со своей совестью и приносить людям пользу, а этот путь всегда нелегок, или быть «сорняком».

Две следующих миниатюры «Утро» и «Завеса» продолжают линию углубления в постижении человеческой души и, конечно, связаны с рассказом «Старение». Они отличаются особым психологизмом и лиричностью. «Что происходит за ночь с нашей душой?» - так начинается первый рассказ. Автор передает «необъятно покойное, ясное утреннее состояние», когда душа, пройдя через некие чистые пространства, «возвращается с первозданной снежистой белизной» [3,с.358], дарует «чуткую напряженность» возможного открытия в себе самом чего-то очень важного: «Благодатны эти миги! Ты – выше самого себя. Ты что-то несравненное можешь открыть, решить, задумать – только бы не расколыхать, только бы не дать протревожить эту озерную гладь в тебе самом» [3,с.358]. Соприкоснувшись с вечностью, душа освобождается от всего ничтожного, накопленного годами. Особое мимолетное состояние, «чародейство», о котором говорит писатель, не зависит от нашей воли и бывает не часто: «Да и не во всякое утро» [3, с.358]. Думается, что каждый человек может испытывать подобные чувства, но только писателю дано силою поэтического слова так ярко и выразительно передать это, проникнув в область подсознательного.

Рассказ «Завеса» настраивает на менее светлые переживания, поскольку мысль автора сосредоточена на рассмотрении проблемы жизни и смерти. Пограничное состояние болезни (онкологической или сердечной), рождает новое понимание жизни, другое восприятие мира. «Благословенное незнание. Это – милостивый дар», когда человек не знает о том, когда умрет. Самое страшное - это «рассчитать неумолимые сроки» больному раком или ждать смерть у порога постоянно, как люди, у которых болит сердце. В рассказе делается акцент на ценности каждого дня: «зато каждое утро – какое благо! Какое облегчение: вот еще один полный день даровал мне Господь. Сколько, сколько можно прожить и сделать за один-единственный только день!» [3, с.359]. Так проявляется любовь к жизни писателя, который не понаслышке знал цену каждому мигу пребывания на земле.

Воспоминаниями о прошлом охвачен А.Солженицын в «крохотках»: «В сумерки» и «Петушьё пенье». Он с грустью замечает, что ушла в прошлое традиция сумерничанья как обряд особого духовного общения людей, когда «овладевало всеми чувство чего-то единого» [3,с.360], загадочной сопричастности с мирозданием. Интересно, что об этом обычае в начале века с большой теплотой писал И.Бунин в рассказе «Антоновские

яблоки». Признаком запустения, вымирания и ухода из жизни русской деревни чего-то доброго и важного также считает Солженицын и отсутствие «полуденного многогласного петушьего переклика» - звука, который вселял в людей во всей округе ощущение «благословенного мира» и «нетревожного покоя» [3, с.361].

В рассказе «Ночные мысли» писатель передает особое состояние ума и сердца, когда человека тревожит бессонница, и мучают дерзкие язвительные мысли. Но если он возьмет власть над собой, а это очень важно, и сможет «овладеть потоком темным», то обретет покой, очищение и появятся «благодатные, крупные мысли, до которых разве бы коснуться в суете дня?» [3,с.362]. Тематически этот рассказ связан с миниатюрой «Утро», но там доминирует чувство, а здесь сознание, разум.

Завершается цикл миниатюрой «Поминовение усопших», глубокий смысл которой заключается в том, что с годами человек все больше задумывается о смерти, о родных и сверстниках, которые ушли из жизни. «Куда уходят? Кажется: это – неугадаемо, непостижимо, нам не дано» [3, с.363]. И только молитва за души их – «перекидывает от нас к ним, от них к нам – неосязаемую арку – вселенского размаха, а непреградной близости». Не случайно поминовение усопших «с высокой мудростью завещано нам людьми святой жизни» [3,с.363].

Таким образом, расположенные в разных местах тематически близкие произведения являются Cementирующим началом для всего цикла: «Лиственница», «Молния», «Тихое зелье», - «человек и природа»; «Колокол Углича», «Колокольня», «Позор», «В сумерки», «Петушьё пенье» «Поминовение усопших» - «история и современность», утрата традиций как признак бездуховности; «Старение», «Утро», «Завеса», «Ночные мысли» - жизнь души человека. Очень важным, на наш взгляд, является также наличие лирического героя-рассказчика, который не дистанцирован от автора и является проводником его взглядов. Ему свойственны острота наблюдения, откровенность в выражении своих мыслей, обнаженность чувств. Его внутренний мир («вселенная во мне») не менее богат в проявлениях, чем мир природы. Он видит в единичном - всеобщее, в простом – символичное, в привычном - красивое или безобразное. Так, каждый рассказ становится для читателя открытием, откровением.

В целом цикл дает представление об авторской концепции человека в его связях с миром. Лейтмотивом всего цикла является мысль о ценности духовного начала в жизни людей и необходимости сохранения чистоты души каждого отдельного человека. Доброта и отзывчивость,

совестливость и честность, способность различать прекрасное и безобразное, желание с пользой прожить каждый день, сделав его осмысленным, уважение к своему прошлому, к традициям культуры и религии – вот те критерии, по которым оценивается человек. При этом лирико-философская проза А.Солженицына не лишена гражданственности, поскольку для него очевидна ответственность каждого за происходящее в его родной стране. И, на наш взгляд, есть перекличка между кульминационным рассказом «Позор», в котором дается страстная и достаточно критичная оценка современному состоянию дел в стране, и завершающей цикл исповедальной «Молитвой о России», выражающей предельную искренность автора в желании счастья и блага своей родине.

«Литература»

1. Нива, Ж. Солженицын / Ж. Нива. – М.: Художественная литература, 1992.
2. Зайцев, В.А. История русской литературы второй половины XX века / В.А. Зайцев, А.П. Герасименко. – М.: Высшая школа, 2004.
3. Солженицын, А.И. Абрикосовое варенье: Рассказы 90-х годов / А.И. Солженицын. – СПб.: Азбука-классика, 2008.
4. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Даль В. – М.: ГИИНС, 1955. – Т. 4.